

Отзыв

официального оппонента доктора исторических наук Корогодиной Марии Владимировны о диссертации Шибаева Михаила Алексеевича «Историко-кодикологическое исследование рукописей Кирилло-Белозерского монастыря XV в.», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Средневековая библиотека Кирилло-Белозерского монастыря давно и заслуженно привлекает внимание исследователей благодаря целостности и богатству материала, сохранившегося с самого ее основания. Пожары и иные бедствия пощадил ее, а неизменное внимание, которое уделяли переписыванию книг игумены обители, начиная с ее основателя преподобного Кирилла Белозерского, обеспечило разнообразие состава библиотеки уже в первые десятилетия ее существования. Не менее счастливой оказалась судьба библиотеки в позднейшее время: в отличие от многих иных собраний, разрозненных при переходе в частное владение или при передаче в государственное хранилище, библиотека Кирилло-Белозерского монастыря сохранила свою целостность, так что основная ее часть сосредоточена в одном хранилище (Российской национальной библиотеке) в двух собраниях: Кирилло-Белозерском и Софийском. Эти обстоятельства, несомненно, имеют решающее значение при комплексном изучении Кирилло-Белозерского монастыря как древнерусского книжного центра, и именно по этой причине Кирилло-Белозерский монастырь часто избирается предметом исследований историками и филологами. Библиотеке этой обители, написанным в ней рукописям и книжникам посвящена огромная библиография.

Однако при всей популярности библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря как объекта изучения до сих пор не существовало комплексного палеографического и кодикологического исследования его книжного собрания, которое на основе изучения бумаги и почерков позволило бы реконструировать состав библиотеки, определить писцов рукописей (и многих из них назвать по именам), показать деятельность книгохранителей по обучению писцов, составлению энциклопедических сборников и комплектов богослужебных книг. Все эти направления исследования для первого столетия существования монастыря представлены в диссертационном исследовании М.А. Шибаева. Несомненно, такое исследование, проведенное на исторически сложившемся комплексе и сосредоточенное преимущественно на изучении бумаги, письма, строении кодексов, с применением как исторических методов, так и естественнонаучных, является новаторским в отечественной науке. Особую ценность имеет то, что в исследовании М.А. Шибаева в полной мере изучена переписка книг на протяжении всего XV в., в то время как ранее ученые уделяли внимание почти исключительно времени преподобного Кирилла или деятельности Ефросина Белозерского. Труды целого ряда книжников, постоянно занимавшихся систематизацией библиотеки, дополнением рукописей, созданием комплектов богослужебных книг, подобно Христофору, Сосипатру, Игнатию Матвееву, Порфирию и многим другим, стали в полном объеме известны благодаря исследованию М.А. Шибаева.

К безусловным заслугам М.А. Шibaева следует отнести разработку схемы кодикологического описания рукописной книги, позволяющей сопоставлять наблюдения над почерками, распределением водяных знаков и структурой тетрадей. Особую ценность имеет разработанная диссертантом методика цифрового копирования водяных знаков и подготовленный диссертантом банк данных филиграней, включающий все водяные знаки на рукописях, связанных с Кирилло-Белозерским монастырем (с. 38–44). Именно этот материал позволяет М.А. Шibaеву уверенно утверждать, что в XV столетии в Кирилло-Белозерском монастыре не делалось систематических закупок бумаги для книгописания. Эти же данные, полученные новейшими оптическими методами, позволяют диссертанту сопоставлять рукописи, выявлять редкие и характерные только для белозерской обители водяные знаки, делать выводы об одновременном или последовательном написании кодексов. Несомненно, подобная база водяных знаков, представляющая полный репертуар филиграней в северной обители за столетие, будет весьма востребована в дальнейшем исследователями и сможет служить образцом для подобных исследований по другим русским книгописным центрам.

Другой не менее востребованной и ценной частью исследования является банк данных почерков (с. 45–49). Наблюдения над почерками позволили М.А. Шibaеву существенно расширить знания о том, какова была роль книжников в формировании библиотеки, и показать, что некоторые из них фактически выполняли функции книгохранителей, обеспечивающих сохранность и исправность рукописей, заботящихся о наличии в монастыре полного комплекта богослужебных книг. Изучение почерков позволило М.А. Шibaеву назвать имена многих писцов, показать связи между теми, кто остался анонимами. Представленный в виде пополняемой базы, свод почерков XV столетия послужит прекрасным сопоставительным материалом для дальнейших исследований.

Среди выносимых на защиту положений, имеющих большое значение для науки в целом, следует, прежде всего, указать на изменения в датировке появления Кирилло-Белозерского монастыря. Ранее считалось, что преподобный Кирилл Белозерский основал обитель в 1397 г.; однако М.А. Шibaев убедительно показал, что основание монастыря следует относить ко времени на десять лет позже, около 1407 г. (с. 108–109).

Несомненное значение имеют наблюдения диссертанта над этапами формирования библиотеки, которые позволили ему показать, что вслед за активным книгописанием времен Кирилла Белозерского, в котором принимали участие писцы первой классной выучки, наступило длительное затишье. Согласно выводам М.А. Шibaева, книгописание в монастыре возобновилось в 40-е гг. XV века, и хотя в последующее время было написано немало книг, но выполнены они были непрофессиональными писцами, на разносортной бумаге, некрасивыми или неустойчивыми почерками. Это приводит диссертанта к еще одному важнейшему выводу, выносимому на защиту, согласно которому Кирилло-Белозерский монастырь в XV в. можно рассматривать лишь как книжный центр, но не как скрипторий в западноевропейском смысле этого термина. Это означает, что в Кирилло-Белозерском монастыре не было особого помещения для переписки, хранения или чтения книг; не было собственной школы писцов, в которой бы иноки обучались особым почеркам или оформлению рукописей; не было долговременной программы по подготовке новых книг или продуманной системы, диктующей, в какой последовательности и для кого будет вестись переписка; формально не было и должности книгохранителя (с. 421–434).

Также велика заслуга М.А. Шибаетова в изучении первой описи библиотеки, составленной в 80-х гг. XV века в виде инвентаря, черновой и белой описей. При этом остается сожалеть, что диссертант не привлек данные по другим русским монастырям, где существовала сходная практика постатейного описания книг (например, в Иосифо-Волоколамском монастыре в первой трети XVI в.). Опись Кирилло-Белозерского монастыря не единожды привлекала внимание исследователей; многие книги из описи уже были отождествлены ранее. Благодаря наблюдениям над записями, пометами, почерками диссертанту удалось существенно дополнить реконструкцию библиотеки, не только выявив сохранившиеся до наших дней книги, но и воссоздав по частям ряд сборников, уже в 20-30-е гг. XVI в. расплетенных и использованных для создания новых книг, в том числе «Ветшаных Миней» (с. 33).

Таким образом, исследование М.А. Шибаетова, безусловно, отличается новизной, актуальностью и выполнено на высоком профессиональном уровне. Необходимо, однако, отметить некоторые его недостатки. Так, обзор историографии (с. 18–30) представляет собой перечень работ с весьма краткой характеристикой содержания; часто работы предшественников перечисляются без видимой связи друг с другом, без анализа их места и вклада в науку.

Методически верным является обращение к актовому материалу, что позволяет М.А. Шибаетову существенно дополнить сведения о жизни своих героев; однако почерпнутые из актов известия приведены, как правило, без указаний датировок (с. 224–230), что приводит к размытости сведений и не позволяет соотнести их друг с другом. В качестве примера можно указать на рассуждения автора о попе Окуле, жившем в конце XIV в. и его непосредственном преемнике Павле (отце Олешки Павлова), упоминаемом в актовом материале в 1492 г. (с. 227). Такой охват целого столетия двумя людьми, служившими одновременно в зрелом возрасте, вызывает большие сомнения. Эти сомнения могли бы быть развеяны другими указанными М.А. Шибаетовым актами (с. 228), в которых упоминаются оба священника, но поскольку диссертант перечисляет акты без дат, опереться на них невозможно.

Небрежностью отличается и отношение диссертанта к терминологии: используемый им на протяжении всей работы термин «черняк» не имеет никакого объяснения, так что остается гадать (или обращаться к работам предшественников), чтобы понять, является ли этот термин изобретением средневекового книжника или автора диссертации. Еще одним необычным термином является «мультиконволют» (с. 317, 327, 334), отличия которого от «конволюта» (включающего две и более частей) остаются загадкой.

Возражения вызывает и сама структура диссертации, при которой весь рабочий материал исследования (отождествления филиграней, характеристики почерков, кодикологические схемы, описания помет) находится в одном ряду с анализом сделанных наблюдений, порой полностью заслоняя его. Так, раздел, озаглавленный «Рядом с Ефросином. Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря 60-90-х гг. XV в.», занимающий 34 страницы в диссертации, содержит не более 11 страниц авторского текста; раздел «Книжные пометы Ефросина и его работа с книгами Кирилло-Белозерского монастыря», написанный на 30 страницах, содержит лишь три страницы авторского текста. Все остальное – это рабочие материалы, на основе которых строится исследование. Они показывают огромную подготовительную работу, сделанную автором, но не могут заменять аналитическую часть исследования и в значительной мере затрудняют связное

чение диссертации. Полагаю, что эти материалы должны были быть вынесены в Приложение к диссертации.

Необходимо оговорить, что большинство вопросов, возникающих при знакомстве с диссертационной работой, скорее касаются перспектив дальнейшего исследования, в то время как вынесенного на защиту материала достаточно для присуждения ученой степени доктора исторических наук по избранной специальности. По этой причине перечисленные далее вопросы факультативны и показывают перспективность дальнейшего исследования.

Как уже отмечалось, одним из наиболее ценных результатов работы является подготовка банков данных по водяным знакам и почеркам Кирилло-Белозерского монастыря XV в. Однако в диссертационной работе они не представлены; в связи с этим возникает вопрос о том, в каком виде и когда они будут доступны исследователям.

Вызывает вопросы методика отождествления почерков, которая не описана в диссертационном исследовании. Отсутствие четко изложенной методики является одним из наиболее уязвимых мест диссертации, поскольку заставляет принимать на веру атрибуции автора и влечет неразрешимые споры в отождествлении почерков. Образец такого спора между М.А. Шибяевым и С.Н. Кистеревым о том, принадлежит ли один из почерков иноку Ефросину или Игнатию, мы находим на страницах диссертации (с. 319). При отсутствии критериев и методики атрибуции почерков этот спор не получает обоснованного разрешения. В результате сам автор диссертации не может прийти к решению, принадлежит ли наблюдаемый им почерк Пахомию Логофету, иноку Ионе или Ефрему Требсу (с. 418–419). Аналогичным образом для писцов с именем Игнатий диссертант предлагает несколько взаимоисключающих вариантов объяснения их деятельности, но в конечном счете так и не может прийти к выводу, являются ли Игнатий Матвеев, игумен Игнатий и Игнатий Добрый одним, двумя или тремя писцами (с. 348, 396–398). Это заставляет задуматься, по каким признакам исследователь в одном случае оценивает явно отличающиеся почерка как различные манеры одного писца; в другом – сходные почерка как принадлежащие разным людям. В комплексном кодикологическом и палеографическом исследовании хочется получить ответ на вопрос: что происходило во время переписки книги, если писцы сменяли друг друга через несколько строк, на середине фразы? Согласно наблюдениям автора переписка велась в кельях, а не в особо отведенном месте (скриптории). Как в этом случае выглядела смена писцов и чем она была спровоцирована? Переносили ли книгу в другую келью, чтобы написать еще несколько строк и снова поменять писца? Ждали ли писцы своей очереди тут же, чтобы получить перо на несколько минут? В подобном исследовании, помимо кодикологической структуры книг и максимально точного отождествления филиграней, хочется увидеть реконструкцию деятельности средневекового книжника, понять, как была устроена переписка книг (эти вопросы на более раннем материале были подняты Л.В. Миловым), и каково отношение книжника к переписываемому тексту. Однако эти и многие другие вопросы остаются за рамками исследования.

Главное преимущество данного диссертационного исследования (полное сосредоточение автора на кодикологических и палеографических вопросах) становится также ее главным недостатком. Исследование текстов и палеографических данных во многом противопоставляется автором, что приводит его к отказу обращаться к тем сведениям об этапах складывания библиотеки, которые предоставляет текстологическое исследование. Почерка, писцы, взаимоотношение сборников преимущественно изучаются

без учета того, какие именно тексты входят в книги и как они между собой соотносятся. Однако книга все же создается ради текста, а не ради того, чтобы представить еще один образец почерка. Именно от текста, его типа и предназначения часто зависит то, каким почерком он переписывается; равно как антиграф и его оформление часто оказывает влияние на избираемую писцом «манеру». М.А. Шibaев упоминает о текстах спорадически, и лишь случайно мы узнаем, что одному из видных писцов (Игнатию Матвееву) принадлежало не менее трех списков сочинений аввы Дорофея (с. 262–272). Как соотносятся между собой эти рукописи, восходят ли они к одному оригиналу или друг к другу; объясняется ли интерес к ним личностью Игнатия Матвеева или другие писцы так же переписывали для себя эти важные для иноческой жизни сочинения – на все эти вопросы хочется найти ответ в исследовании, посвященном книжникам и рукописям Кирилло-Белозерского монастыря, но диссертант не ставит эти вопросы.

Аналогичным образом целый ряд наблюдений и выводов диссертанта кажутся не доведенными до конца и порождают целый ряд вопросов. Так, остроумная догадка М.А. Шibaева, что авторами разнотипных описаний книг были разные иноки (с. 77–78), с различной степенью ответственности подходившие к созданию описи, не объясняет, почему принадлежавшие перу разных авторов описания книг идут вразбивку. Между тем, это важный вопрос, который тесно связан с процессом составления и редактирования описи. Нет и ответа на вопрос, почему в описи присутствуют личные книги инок Ефросина (загадочным образом именно от них не осталось никаких следов), в то время как иные, известные нам книги этого книжника, продолжали оставаться в его келейной библиотеке (с. 82, 94).

При всей тщательности, с которой выполнены наблюдения М.А. Шibaевым, некоторые его выводы вызывают сомнения. Отметив замирение книгописной деятельности во времена игумена Христофора, диссертант связывает это с эпидемией, приведшей к запустению обители (с. 111–112). Однако представляется, что скорее прекращение книгописания связано с личностью иг. Христофора, не занимавшегося самостоятельно перепиской книг, при котором наиболее продуктивные писцы покидают монастырь. Это вплотную подводит нас к «проблеме Христофора»: палеографические данные заставляют сомневаться, следует ли выделять одного писца с этим именем или троих, и кого из них следует отождествлять с игуменом Христофором (с. 160–180). Диссертация не содержит ответа на этот вопрос. Оставив в стороне количество Христофоров-писцов, следует отметить, что наиболее значимой является задача по атрибуции почерка иг. Христофора. Был ли он профессиональным писцом, забывшим о книгописании из-за хозяйственных хлопот (как полагает М.А. Шibaев), или он вообще был далек от книгописания и его не следует отождествлять ни с одним писцом Христофором – от решения этого вопроса зависит, связана ли активная переписка книг с личностью настоятеля, заботящегося об умножении библиотеки, или появление новых книг – дело случая, на которое природные факторы влияют больше, чем книгописное искусство игумена.

Изложенное выше, несомненно, скорее относится к области пожеланий относительно дальнейшего исторического (а не только кодикологического) исследования, а не к сфере замечаний. Поставленная диссертантом задача провести полное палеографическое и кодикологическое исследование рукописей, относящихся к Кирилло-Белозерскому монастырю, выполнена в полной мере. В заключение необходимо подчеркнуть большую

значимость того, что эта работа выносится на защиту как диссертационное исследование. Только изучение непосредственного материала, сохранившего труды и мысли людей прошедших эпох, позволяет опереться на достоверные сведения. Только подобное изучение рукописей, их бумаги, разлиновки, особенностей почерка и шитья тетрадей показывает, как создавался тот текст, который нами, спустя века, часто воспринимается как нечто изначально цельное. Реконструкция процесса создания отдельной книги и целой библиотеки, в том числе собственное живое понимание хода создания рукописи, позволяет исследователю заложить основу для воссоздания и анализа идей, образа мыслей, исторических процессов. За изучением особенностей рукописей, в том числе их описанием, стоит гигантская работа, и то, что подобное исследование представлено в качестве диссертационного, является шагом вперед в исторической науке.

Высказанные замечания не влияют на положительную оценку работы, которая полностью соответствует квалификационным требованиям диссертационных исследований. Публикации соискателя с должной полнотой освещают содержание работы; автореферат отражает основные положения, вынесенные на защиту.

Диссертация М.А. Шibaева полностью соответствует п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842. Исследование заслуживает высокой оценки, а М.А. Шibaев – присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования».

Официальный оппонент
Корогодина Мария Владимировна
доктор исторических наук, заведующая
Научно-исследовательским отделом рукописей
Федерального государственного бюджетного
учреждения науки «Библиотека
Российской академии наук»

М.В. Корогодина
(М.В. Корогодина)

11 мая 2018 г.

Контактная информация:

Корогодина Мария Владимировна

199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, дом 1, ФГБУН «Библиотека Российской академии наук»

e-mail: ban.nior@gmail.com

тел.: (812) 328-08-81

**Список научных трудов за 2013-2018 гг. официального оппонента д.и.н. М.В.
Корогодиной по тематике диссертации М.А. Шибаева**

1. Корогодина М.В. Кормчие книги XIV – первой половины XVII века. Т. 1: Исследование. 600 с. Т. 2: Описание редакций. М.–СПб., 2017. (монография)
2. Корогодина М.В. Составление кормчей Нифонта Кормилицына // Археографический ежегодник за 2009-2010 годы. М., 2013. С. 99-112.
3. Корогодина М.В. Неизвестный отрывок славянского перевода Диалогов Псевдо-Кесария // *Palaeobulgarica / Старобългаристика*, XXXVII (2013), 2. София, 2013. С. 23-33.
4. Корогодина М.В. Кирилло-Белозерская редакция Кормчей книги конца XVI века: особенности состава и источники // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря / Редкол. Н.В. Поньрко, С.А. Семячко. СПб., 2014. С. 271-285.
5. Корогодина М.В. Какие Правила вывез со Святой Горы тверской инок Савва? // Афон и славянский мир. Сб. 1. Материалы междунар. науч. конф., посвященной 1000-летию присутствия русских на Святой Горе. Белград, 16-18 мая 2013 г. Афон, 2014. С. 262-265.
6. Корогодина М.В. Древнерусское богословие и катехизические тексты XIV в. // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2014. № 4 (58). С. 5-22.
7. Korogodina M. *Voskresenskaja Kormchaja: the Sources and the Scribes* // *Scripta @ e-Scripta*. Sofia, 2014. P. 117-123
8. Корогодина М.В. О составе Мерила праведного // *Историография и источниковедение отечественной истории*. Сб. науч. ст. Вып. 7. Историческое повествование в средневековой России. К 450-летию Степенной книги. Материалы всероссийской науч. конф. М., СПб., 2014. С. 94-112
9. Корогодина М.В. Литературные источники о времени жизни Валаамских чудотворцев Сергия и Германа // *Русская литература*. 2015. Вып. № 3. С. 39-45.
10. Корогодина М.В. Рукописные книги Кассиана Булгакова, игумена Ферапонтова монастыря // *Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития*. Матер. XXVII междунар. науч. конф. М., 9-11 апреля 2015 г. М., 2015. С. 263-265.
11. Корогодина М.В. Куростровский дьяк Давыдец Михайлов: нотариус, книгописец, миниатюрист? // *Грани русского Средневековья*. Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексева. М., 2016. С. 164-171

12. Корогодина М.В. «Сказание о болгарской и сербской патриархиях» – Афон или Москва? // Афон в истории и культуре Христианского Востока и России. Каптеревские чтения — 14. Сборник статей. М., 2016. С. 92-99
13. Корогодина М.В. Автограф Юрия Ивановича Токмакова: книжника или воеводы? // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXIX междунар. науч. конф. Москва, 13-15 апреля 2017 года. М., 2017. С. 198-201.
14. Неизвестный славянский перевод фрагмента «Послания трех патриархов императору Феофилу» в сборнике русского книжника XV века // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 6. № 1. М., 2017. С. 307-332.
15. Корогодина М.В. Откуда родом «полоцкая» Кормчая? // «Вертоград многоцветный». Сб. к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2018. С. 295–306